

ШВЕДСКАЯ ТЕМА В НАРОДНЫХ МЕМУАРАХ XX ВЕКА

Т.И. Рожкова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
robin.55@mail.ru*

Аннотация. Предметом анализа статьи являются материалы народной письменности, собранные автором в ходе полевых исследований традиционной народной культуры на территории Южного Урала. Научная значимость народных мемуаров, дневниковых записей является дискуссионным предметом осмысления со стороны разных антропологических наук. Одним из источников разногласий является изображение исторического прошлого, которое под пером народного писателя претерпевает целый ряд культурных деформаций. Исходя из этого, в работе с материалами народного письма приходится учитывать выводы исследователей, связанные с изучением проблем исторической и автобиографической памяти, с закономерностями создания текста непрофессиональным сочинителем.

Материалы экспедиционной работы дают основание говорить о сохранности в народной памяти событий периода русско-шведских противостояний начала XVIII века. В семейном летописании Н.А. Шеметова и Г.И. Костина оказались живы страницы национальной истории, отдаленные от нашего времени многими поколениями. Шведская тема проявилась на первых страницах родословного письма в жанре предания и составила точку отсчета времени.

В статье прослеживаются приемы вербализации шведской темы, формы и функции повествования. Рассмотрение исторической составляющей народных мемуаров сочетается с анализом законов народного повествования, правил и приемов высказывания. Делается вывод о том, что эпическая модель остается основным инструментом в осмыслении собственной биографии и биографии семьи. Шведская тема составила генеалогический исток изложения, этническая уникальность предка, причастность к значимым событиям истории сохраняются народным писателем для будущих поколений как статусные подробности. Информативная функция высказывания доминирует над приемами художественного изложения.

Ключевые слова: историческая память, семейное предание, народная письменность, культурная деформация текста

Историческая ценность народных мемуаров, дневников и писем отстаивается наукой с середины прошлого столетия. «Семейная» память, собранная в домашнем архиве, рассматривается исследователями как дополнительный материал для размышлений по поводу культурного и социально-политического контекста времени. С ней связываются надежды «заново понять» эпоху (А. Бараш) или «обрести исторический слух» (П.В.Крылов)¹. Отмеченная тенденция имеет позитивный характер, как справедливо и то, что существуют проблемы человеческой памяти и

Рожкова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: robin.55@mail.ru

¹ Бараш 2006, 226–237; Крылов 2005, 446–453.

личного восприятия. «Клеенчатые общие тетрадки», старые письма и фотографии – особая форма архивации прошлого. В них достоверная для пишущего основа сочетается с целым рядом психологических, социальных, культурных деформаций. В частности, Е.М. Ковалев главным недостатком семейных крестьянских историй считает выборочность воспоминаний, которые остаются у респондентов к концу их жизни². Механизм отбора событий автобиографом исследовала психолог В.В. Нуркова. Она выделяет четыре группы сюжетов, выстраиваемых рассказчиком: воспоминания о самом ярком, о самом важном, о переломном и характеризующем «суть личности»³. По ее наблюдениям, каждый возникающий в памяти повествовательный фрагмент обладает своими характеристиками воспроизведения, включая способы вербализации. Различать «звучащие внутри воспоминания» голоса, голос идеологии и голос самой личности, достаточно сложно. Когда речь заходит об исторической памяти, пишет Л. Гудков, «необходимо четко осознавать, с каким «прошлым» мы имеем дело, кто его держатель, как оно организовано и структурировано, какими средствами оно выражается»⁴. Иными словами, исторический пласт народных мемуаров должен рассматриваться с привлечением целого ряда антропологических дисциплин, способствующих пониманию специфики народной памяти, выявлению границ ее «познавательных способностей».

Соотношение фольклорного текста и событий исторического прошлого – одно из важнейших направлений в изучении народной словесности. Давно замечено, что продуцируемый исполнителями устный текст опирается на конструкцию «эпического» (Б.Н. Путилов, С.Ю. Неклюдов, А.К. Байбурин, К.В. Чистов и др.). Эпическая модель остается основным инструментом в осмыслении собственной биографии пишущего и биографии его семьи.

В фольклорном архиве университета фонд семейных родословных сочинений – один из самых востребованных и пополняемых на сегодня. В народной мемуарной литературе отозвались такие исторических события как русско-шведские баталии начала XVIII века, Пугачевский бунт, Первая мировая война, революция, Гражданской война и т. д. Мемуарные записки немца Ивана Адамовича Шефера (1899–1994 гг.) начинаются с истории переселения семьи в Россию. Первые страницы рукописи дают представление о том, как выстраивалась жизнь немецкой общины до революции⁵. Верхнеуральский казак Иван Александрович

² Ковалев 1996.

³ Нуркова 2000, 111.

⁴ Гудков 2005.

⁵ Шефер; Фелелов; Нестеров; Костин.

Родословность. Крайние даты: 1812–1993 гг. Место происхождения рукописи: с. Анненское Карталинского р-на Челябинской обл. Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 38.

Фелелов И.А. Воспоминания. Крайние даты: 1893–1968. Место происхождения рукописи: г. Верхнеуральск Челябинской обл., Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 23.

Нестеров А.П. (1885 г.р.) Для наглядной памяти детишкам и внучатычкам... Крайние даты: 1866–1965 гг. Место происхождения рукописи: п. Агаповка Агаповского района Челябинской обл., Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 4.

Костин Г.И. (1931 г.р.) Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет). Крайние даты: 1654–1991 гг. Место происхождения рукописи: Алтайский край, с. Панкрушиха, Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 2.

Фефелов (1893 г.р.) составил воспоминания для сына, куда вошли детство, события Первой мировой войны, Гражданская война в казачьих станицах Южного Урала. В ряду семейных родословных особую ценность представляют рукописи, основанные на записях предшественников. В них глубина исторической памяти определяется ни одним поколением. В ряду таких материалов – история казачьего рода Нестеровых. В ней записи двух поколений: Павла Ивановича (1866–1921 гг.) и Александра Павловича (1885–1969 гг.) Нестеровых. Такие семейные летописи открыли для нас шведскую тему в регионе. Семья Шеметовых связывает свою фамилию с пленным шведом, высланным на Урал после Полтавского сражения: «... в то время, при Петре Первом *ишо*... одного (там пленных шведов было много), и вот фамилия-то произошла от пленного шведа, его сюда сослали. Фамилия его была Шемет, а тут уже добавилось»⁶. Источником этого рассказа стали сохранившиеся в семье записи: «А это была у нас летопись такая, и она сохранилась, лишь часть только. Она вся сгорела, а часть сохранилась, *дак* вот кое-где я из *ее* выбрал»⁷. В настоящее время нет возможности установить начальные даты утраченного летописания, имена семейных летописцев, но эти «разрозненные листочки» пробудили желание возобновить семейную историю. И вот уже Николай Андреевич Шеметов (1933 г.р.) «выписывает оттудова», «кое-где ... из *ее* выбирает», критически осмысливает написанное предшественниками: «И часть неправильно было написано <...>. Маленько ошибки были»⁸. Так рождается новая летопись, идет процесс отбора и закрепления сюжетов, обязательных для передачи будущим поколениям семьи.

Как заметили социологи, «семейная» память концентрируется «на воспроизведении семейных преданий, связанных с конкретными лицами, родственниками, чья жизнь и поступки мифологизируются»⁹. Составленная биография семьи Шеметовых, до появления фольклористов, подверглась обработке. Н.П. Шеметова, по образованию учитель истории, переписала этот семейный рассказ в контексте своих исторических знаний. В ее изложении начальный фрагмент будущей летописи приобрел следующий вид: «... часть пленных шведов осела в России. Они нашли жен, поменяли фамилии на русский лад и стали предками многих русских людей. Как гласит предание, фамилия Шеметовых произошла от шведской фамилии Шемет. Возможно, что один из воинов или офицеров шведской армии оказался в центральных областях России или на Урале»¹⁰. Следует обратить внимание на то, что Николай Андреевич в рассказе фольклористам ссылается на этот вторичный текст, так как статус письменного сочинения специалиста для него значительнее собственного знания: «... я *че* написал, *че* мог *ишо* помнить написал, и она написала, что «наш род... когда-то *ишо* была война со Швецией...»¹¹

Историческую правдивость предания никто не стремился уточнять, семейные записи не ставят своей задачей выстраивание научной картины прошлого. Функция предания – обозначить генеалогический исток («один из воинов или

⁶ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

⁷ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

⁸ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

⁹ Бредникова 1997, 71.

¹⁰ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 167.

¹¹ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

офицеров шведской армии»). Этническая уникальность предка, его причастность к важным событиям истории сами по себе являются статусными подробностями для будущих поколений.

Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в части материалов по Оренбургской губернии не опровергают возможность такой истории. В Оренбургской губернии на 1897 год числилось 67 шведов, все они проживали в уездах. В Верхнеуральском уезде зарегистрировано 4 шведа¹². Национальный состав пленных, в числе которых были лифляндские и финские немцы, датчане, эстонские крестьяне и пр., допускает немецкое звучание фамилии¹³.

При обработке семейного предания учителем истории достаточно умозрительно представлена жизнь пленного шведа в России. Эта умозрительность опирается на матрицу представлений, сложившуюся в общественном сознании и закрепившуюся в работах профессиональных историков. Подобные рассуждения мы находим в ряде статей: «Многие из шведских пленников остались в России, стали работать по своей профессии или обучились новому ремеслу»; «Оказалось, что к этому времени некоторые шведы приняли православие, обзавелись новыми семьями и не желали возвращаться на родину»¹⁴. Семейная летопись А.Н. Шеметова частично позволяет снять эту умозрительность и представить судьбу одного из потомков пленного шведа реальным сюжетом жизни, и сюжет этот разворачивается во время Пугачевского бунта.

В периодизации временного потока уральских рассказчиков крестьянская война стала точкой хронологического отсчета. В казачьей крепости Карагайка, где жила и живет семья Шеметовых, о пугачевщине и сегодня рассказывают как о недавнем событии: «Когда шел бунт пугачевский <...> и хотели брать Верхнеуральск, но *побоялися*, потому что все войска ближайших крепостей отправились в Верхнеуральск. А здесь остались одни только пенсионеры защищать крепость Карагайскую. <...> Взял крепость, *сожег ее*. Вот. Это было в мае месяце»¹⁵. Понятно, что такие события не могли не отразиться на судьбах членов семьи. В записях предков Николай Андреевич прочитал, что одного из мужчин их семьи пугачевцы увели с собой, он «здесь был в качестве полковника», а после поражения восстановления его казнили в Казани: «Привязали к позорному столбу и били плетками»¹⁶.

Семейная летопись Г.И. Костина «Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет)» дает новый поворот шведской темы. С детства Григорий Иванович слышал рассказы о том, что его прапрадед Епифан Константинович участвовал в русско-шведской войне, но прочитал об этом значительно позднее. Сама тема «семейной летописи» пришла к нему неожиданно. В 1958 году Григорий Иванович и его брат Николай перекрывали крышу в родительском доме и под стропилами нашли блокнот, завернутый в просмоленную тряпку. Это оказался дневник деда Епифана Ефимыча, умершего в 1935 году. В нем семейные события

¹² Тройницкий 1904, XIV.

¹³ Долгова 2002, 47.

¹⁴ Долгова 2002, 49; Чагин 1997, 203.

¹⁵ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 40.

¹⁶ Когда А.С. Пушкин собирал материалы по истории пугачевского бунта, он не смог поработать в архивах города Казани, так как большая часть материалов сгорела в пожаре 1815 года.

по мужской линии были прописаны с 1735 года. В наводнение 1966 года дневник был утрачен. Вот тогда Григорий Иванович решил заняться его восстановлением: заставлял себя вспомнить как можно подробнее все, что было написано в дневнике, подключал родственников, предпринял поездку на землю своих предков и даже работал в архивах¹⁷.

Уникальность летописи заключается в том, что мы с известной долей достоверности можем говорить о дате начальных записей (1735 год), именах первых летописцев: Ефим Епифанович (1717–1792 гг.); Иван Ефимович (1747–1813 гг.); Ефим Иванович (до 1847). Сын Ефима Ивановича – Епифан, дед Костина Григория Ивановича, довел летопись семьи до 1935 года. Отец Иван Епифанович не писал: «Он только записал вот последнее «6 июля 1935 года схоронил отца» Это отец записал крупными буквами, печатными. И все, больше записей не было»¹⁸. С 1935 года события семьи по своей памяти, по рассказам родственников, главным образом по рассказам мамы Анны Андреевны (1892 г.р.), Костин Григорий Иванович (1931 г.р.) излагал сам: «1936 год я сам писал. Тут уже я помню, как Колька родился и Шуру схоронили, старшей сестры дочь... У меня вот память начала, как Колька родился. Пять лет мне было»¹⁹.

Григорий Иванович реставрировал сюжет утраченной летописи с оглядкой на дневниковые записи своих предшественников. Сюжет выстраивал по мужской линии рода и начал его с семейных преданий об основателях фамилии: о Косте-хромом и его сыне – Епифане Константиновиче. Предания восходят к первым страницам дневника, к 1735 году, они записаны Ефимом Епифановичем – внуком Кости-хромого и сыном Епифана Константиновича.

Костя-хромой, от которого пошла фамилия Костиных, – крепостной князей Шереметьевых, участник Крымского похода 1687 года, где он получил «увечие ноги». Сын Кости-хромого Епифан Константинович – участник русско-шведской войны. По дневниковым записям, он за победу в Полтавском сражении получил свободу от крепостного права и земельный надел в три десятины. Предание о Епифане Константиновиче особо значимо в истории семьи: его участие в историческом сражении определило ее материальное благополучие. В восприятии Г.И. Костина, в то время, когда «крестьяне тянули крепостное угнетение», «солдаты-однодворцы», «освобожденные Петром Великим от крепостного права за участие в шведской двадцатилетней войне», жили вполне достойно.

Одна из особенностей изложения семейного предания связана с уверенной датировкой далеко отстоящих событий: «В Полтавском сражении воевал, был раненый в 1709 году, в Прусском походе в 1711 году участвовал, из Молдавии ушел в Померанию, где воевал еще со шведами в 1715 году. Был изувечен и списан до дому. Серебряный рубль получил солдат за Полтавскую битву, вольную от крепостного права и земельный надел в три десятины»²⁰. «Народное письмо» квалифицируется исследователями как автономное по отношению к «высокой»

¹⁷ Рожкова 2008, 181–184; 2009, 53–59.

¹⁸ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЗС-2010.10.10 (Магнитогорск), зап. от Г.И. Костина.

¹⁹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЗС-2010.10.10 (Магнитогорск), зап. от Г.И. Костина.

²⁰ Костин 2008, 20.

словесности (О.Р. Николаев), никак не влияющее на литературу, но впитывающее литературные приемы (А. Бараш). Непрофессиональный автор пишет в законах литературы настолько, насколько он начитан; и это не противоречит пониманию авторства. По одному из иронических определений, данным А. Компаньоном, автор – это образованный читатель²¹. Богатая внешними историческими событиями жизнь предков заставила нашего современника, задумавшего восстановить утраченные записи, собрать библиотеку исторических книг. Их у Г.И. Костина более тысячи: Ключевский, Соловьев, мемуары военного времени. Из авторов художественной литературы в числе любимых названы Горький, Пушкин, Шукшин, Достоевский.

Жизненный путь своих предков Г.И. Костин тщательно вписывает в историю России, подтверждает документами, статистическими выписками, цитатами из мемуарной литературы. На вопрос, связанный с влиянием на его изложение книг, он отвечает так: «Короче! Какую-то я мысль задумал где-то... Вот у меня пять томов, крестьянская жизнь Советского Союза и с древнейших времен, немецкая. Описана она на русском языке. Как они в то время работали. Как надумаю какие-то годы. Мысли там набираются у них опыта. Это история советского крестьянства. У меня пять томов. И три тома у меня, это исторических, как Европа организовалась, скандинавы там все эти, шведы там и немцы, и кельты и каких только!»²² Повествование Григория Ивановича достаточно жестко привязано к датам. Погодные записи обеспечивали первый уровень структурирования потока семейных событий. В дневнике предков записи велись тоже по годам с обязательным перечислением событий генеалогического характера. Из беседы: «По годам я легче ориентировался, как говорится. И вот как читал этот дневник, у них года были указаны там. Елифан родился тогда-то, умер тогда-то, кто сколько прожил»; «Они как бы передавали имена, кто, где служил, кто когда где умер. В основном, когда хороший урожай, вот они записывали и голодные годы, неурожайные годы писали. Все по годам»²³. Утраченные памятью даты Г.И. Костин добывал из метрических книг, копировал цифры родовых могильных крестов, проводил самостоятельные подсчеты.

Относительно повествовательных особенностей народных преданий В.К. Чистов писал: «Историческим преданиям свойственна прежде всего информативная функция. Они очень дорожат именами героев, названиями мест их деятельности, специфическими чертами их индивидуального подвига. Эстетическая функция преданий, как правило, выражена весьма слабо – текст их, как правило, аморфен»²⁴. В рукописи предание появляется после генеалогически значимых для семьи событий: смерть²⁵, переезд в новый дом²⁶, проводы в армию²⁷, юбилейные семейные даты и пр. На похоронах, провожая старого солдата в последний путь, автор напоминает: «В Полтавском сражении получил увечия и серебряный

²¹ Компаньон 2001.

²² Костин 2010.

²³ Архив лаборатории народной культуры МаГУ. ЗС-2010.10.10 (Магнитогорск), зап. от Г.И. Костина.

²⁴ Чистов 1986, 184.

²⁵ Костин 2008, 10.

²⁶ Костин 2008, 28.

²⁷ Костин 2008, 55.

рубль в награду от царя Петра Великого летом 1709 года. И свободу от крепостного права, надел земли в три десятины на солдатской слободе села Дорогощи Грайворонского уезда Белгородской области»²⁸. Для начитанного и «памятливом» человека, Г.И. Костина, предание не было предметом художественной фантазии, это достаточно замкнутый для вымысла фрагмент. В нем тщательно сохраняются и передаются факты семейные знания: участие в Полтавском сражении, награда за победу (серебряный рубль), освобождение от крепостного права, предоставление земельного надела в три десятины²⁹. В ходе повествования растет понимание заслуг Епифана Константиновича перед семьей, усиливается эмоциональное восприятие прошлого семьи. Мы видим примеры того, как функционирует семейный текст в повседневной культуре, что определяет потребность обращения к нему. Постоянным обращением к изложению предания Г.И. Костин стремится сохранить родовую память, объединить семью: «Так рассказывал Ефим Епифанович своим детям и внукам. Вечная память деду и отцу! Моим предкам, от которых пошла наша фамилия Костиных. Так наказывали предки: передавать из уст в уста по наследству своим детям и внукам, сохранять память в веках. Так вот, 110 лет нашему корню и 60 лет нашей фамилии Костиных. Этот рассказ проходил в застольную новогоднюю ночь 1767 года. Все завидовали памяти Ефима Епифановича. Чудесный рассказ за прожитые годы своей памятью! Маленькие дети давно улеглись спать, а взрослые слушали с удивлением и любопытством, на будущее своим внукам»³⁰.

Когда Костины переехали на Алтай, в дневнике деда появились записи топонимического характера. Он помечал этнографические подробности новых мест, записывал истории, услышанные от старожилов края. В селе Урываево ему рассказали следующее: «Соль с Бурлы берут с Петра Великого времен! За Бурлой соляной тракт идет, и на реку Обь везут. Пристань Камень еще *пленны* шведы строили, Бийскую крепость»³¹. На Алтае у самого Г.И. Костина произошла встреча с человеком, который сохранял свою этническую принадлежность к шведской

²⁸ Костин 2008, 10.

²⁹ Варианты семейного предания из книги Г.И. Костина «Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет)» (Магнитогорск, 2008. Ч.1.).

№ 1. «Отец Епифан Константинович Костин, солдат, серебряник получил за Полтавское сражение, свободу от крепостного права с выходом на солдатский надел, солдатскую слободу, где и живут его сыновья и внуки» (с.16).

№ 2. «Солдатский надел получил в 1709 году, за Полтавскую битву, победу над шведом. Отец Епифан получил серебряный и свободу от крепостного права» (с. 28)

№ 3. «За Полтавскую битву 1709 года серебро получил и солдатский земельный надел. Свободу от крепостного права. Прусский поход 1711 года – неудачный, поход в Померанию, в 1715 году – увечие руки» (с. 49).

№ 4. «... Белгород, губернский город первый стал в России, с 1708 года. Указ Петра 1, когда воевал с шведами под Полтавой, в июне 26 числа 1709 года. Наш дед Епифан Костин тогда воевал, получил рубль серебром и свободу от крепостного права, солдатский земельный надел, где мы сегодня живем, наша семья» (с. 55).

№ 5. «Дедушка мой – стрелец царя Алексея Михайловича. Епифан Костин – солдат-серебряник Петра 1. Участвовал в Полтавской битве 1709 года, в прусском походе 1711 г., в Померании 1715 года. Трижды раненый, десять лет служил. Изувеченный домой вернулся в 1716 году. Отец мой такую запись оставил в своем блокноте – Ефим Епифанович Костин» (с. 81).

³⁰ Костин 2008, 28.

³¹ Костин 2010, 83.

нации до конца XX века («мы фамилию свою вот держим»). Беседу с Фрицем Шрайдером, которого на русский манер все звали Федором, народный автор также включил в свою летопись³².

Обращение к народной мемуарной литературе дает основание говорить о сохранности шведской темы в народной памяти. В семейном летописании оказались живы страницы национальной истории, отдаленные от нашего времени многими поколениями. В пространстве летописи шведская тема проявилась на первых ее страницах, определила точку отсчета семейного времени.

Непрофессиональный характер письма, преобразование устной речи в письменную не изменили повествовательных особенностей рассказа, близких к жанру устного исторического предания. Отмеченная фольклористами информативная функция жанра по-прежнему доминирует, текст не подвергается художественной обработке.

ЛИТЕРАТУРА

Бараш, А. 2006: Архив как жанр: архитектоника личной памяти. *Новое литературное обозрение* 3(79), 226–237.

Бредникова, О. 1997: «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности). В кн.: *Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ*. СПб., 70–74.

Гудков, Л. 2005: «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Неприкосновенный запас* 2–3(40–41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.

Долгова, С.Р. 2002: Шведские пленные в Москве в 1700–1709 гг. В сб.: *Шведы в Москве. Материалы российско-шведской научной конференции*. М., 45–49.

Ковалев, Е.М. 1966: История крестьянских семей: методика и первые результаты. В сб.: *Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник*. М., 285–290.

Компаньон, А. 2001: *Демон теории. Литература и здравый смысл*. М.

Костин, Г.И. 2008: *Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет)*. Ч.1. Магнитогорск.

Костин, Г.И. 2010: *Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет)*. Ч.2. Магнитогорск.

Крылов, П.В. 2005: Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти. *НЛО* 74, 446–453.

Нуркова, В.В. 2000: *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М.

Рожкова, Т.И. 2008: Философия народной орфографии (материал родословного письма). В сб.: *Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье: сборник материалов международной научно-практической конференции*. Магнитогорск, 181–184.

³² Костин 2010, ЗС-2010.11, Архив лаборатории народной культуры МГТУ.

«В Бийске я в геологии работал и он сторожем был, в годах такой мужик, а фамилия... Ну, у них, что у шведов, что у немцев – одинаково! Шрайдер, что ли?! Я говорю, ты что, немец? Он: «Нет! Это моя фамилия шведа! Моя потомка тута жила, пленилася, меня родила...» В Бийске работал сторожем. Лет 70 ему было.

– Что он рассказывал про своих предков?

– Шрайдер Фриц. А у меня – Федор, по-русски. Он говорил, я держу фамилию нашу, а так уже даже с петровских времен 200 лет прошло. Ну, все равно, мы фамилию свою вот, держим. – «У вас семья?» – «А как же! Два сына, две дочери, сейчас – внуки, правнуки».

- Рожкова, Т.И. 2009: Приемы структурирования прозы в тексте современного народного автора. В сб.: *Народная культура Сибири: Материалы XVIII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору*. Омск, 53–59.
- Тройницкий, Н.А. (ред.) 1904: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XXVIII Оренбургская губерния*. СПб.
- Филиппова, И.А., Рожкова, Т.И., Моисеева, С.А. 2010: *Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов*. Магнитогорск.
- Чагин, Г.Н. 1997: Шведы в Северном Прикамье в первой четверти XVIII века В сб.: *Шведы и русский Север: историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума*. Киров, 202–206.
- Чистов, К.В. 1986: *Народные традиции и фольклор*. Ленинград.

REFERENCES

- Barash, A. 2006: Arkhiv kak zhanr: arkhitektonika lichnoy pamyati. *Novoe literaturnoe obozrenie* 3(79), 226–237.
- Krylov, P.V. 2005: Obretenie istoricheskogo slukha: paradigmy izucheniya neofitsialnoy pamati, *Novoe literaturnoe obozrenie* 74, 446–453.
- Brednikova, O. 1997: «Semeynaya» i «kollektivnaya» pamyat (sposobi konstruirovaniya etnicheskoy identichnosti) In: *Biograficheskiy metod v izuchenii postsozialisticheskikh obshchestv*. Saint-Petersburg, 70–74.
- Chagin, G.N. 1997: Shvedy v Severnom Prikam'e v pervoy chetverti XVIII veka. In: *Shvedy i russkiy Sever: istoriko-kulturnye svyazi. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*. Киров, 202–206.
- Chistov, K.V. 1986: *Narodnye traditsii i folklor*. Ленинград.
- Dolgova, S.P. 2000: Shvedskie plennye v Moskve v 1700–1709 gg. In: *Chvedy v Moskve. Materialy rossuyisko-chvedskoy nauchnoy konferenzii*. М., 45–49.
- Filippova, I.A., Rozhkova, T.I., Moiseeva, S.A. 2010: *Kazachestvo: obrazy kul'turnoy identichnosti: sbornik fol'klorno-jetnograficheskikh materialov*. Magnitogorsk.
- Gudkov, L. 2005: «Pamyat» o voyne I massovaya identichnost rossiyan, *Neprikosnovenny zapas* 2–3(40–41), <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.
- Kovalev, E.M. 1966: Istoriya krestyanskikh semey: metodika i pervye rezultaty. In: *Krestyanovedeniye. Teoriya. Istoriya. Sovremennost: ezhegodnik*. Moscow, 285–290.
- Kompanon, A. 2001: *Demon teorii. Literatura I zdraviy smysl*. Moscow.
- Nurkova, V.V. 2000: *Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti*. Moscow.
- Rozhkova, T.I. 2008: Filosofiya narodnoy orfografii (material rodoslovnogo pisma) In: *Russkiy yazyk kak gosudarstvenniy yazyk Rossiyskoy Federazii i kak yazyk mezhnatsionalnogo obshcheniya v blizhnem zarubezhe: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferenzii*. Magnitogorsk, 181–184.
- Rozhkova, T.I. 2009: Priyemy strukturirovaniya prozy v tekste sovremennogo narodnogo avtora V sb.: *Narodnaya kultura Sibiri: Materialy XVIII nauchnogo seminar-simpoziuma Sibirskogo regionalnogo vuzovskogo tsentra po folklore*. Омск, 53–59.
- Trojnitskiy, N.A. (red.) 1904: *Pervaya vseobshchayz perepis naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g. T. XXVIII Orenburgskaya guberniya*. Saint-Petersburg.

SWEDISH THEME IN PEOPLE'S MEMOIRES OF THE 20th CENTURY

Tatiana I. Rozhkova

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
robin.55@mail.ru*

Abstract. The subject of the analysis is some examples of written folklore that were collected during several folklore expeditions within the South Ural region. The scientific significance of people memoirs and notebooks are still open to question in different anthropological studies. One of the dispute topics is the image of historical past that can be culturally changed in some folk writer's works. Working with written folklore we have to take into account conclusions of different researchers that are connected with studies in historical and autobiographical memories as well as regularities of amateurish text creation.

Collected folklore written works give grounds to say that some events of the period of Russian-Swedish conflicts (the beginning of the 18th century) are still reminded in people's minds. In family chronicles by N.A. Shemetov and G.I. Kostin. there are pages full of national history in spite of being rather remote from those days by many generations. The Swedish theme appeared on the first pages of a family letter and made the starting point of the time.

The article traces some techniques of verbalization of the Swedish theme, the style and functions of the narration. The author connects the analysis of a historical basis in people's memoirs with the analysis of narration principals, rules and techniques of saying. We came to the conclusion that an epic model is still an important way of understanding your own and your family biography. The Swedish theme became a genealogical beginning of narrations where the ethnic uniqueness of your ancestor and some respect to significant history events are important for a folk writer and the future generations. Facts and details prevail over artistic techniques.

Key words: historical memory, family folklore, written folklore, cultural deformation of folk texts

---
